

УДК 882 (09)

*Л.Л. Ермакова***ХОР ОКЕАНИД В ТРАГЕДИИ В.И. ИВАНОВА «ПРОМЕТЕЙ»**

В статье рассматривается влияние трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» на трагедию В.И. Иванова «Прометей» на примере хора Океанид. Содержание реплик хора в «Прометее» Иванова перекликается с текстом Эсхила: Иванов вводит хор Океанид в свою трагедию явно под влиянием Эсхила, тем более, что женский хор, олицетворяющий диаду, прекрасно иллюстрирует ивановскую теорию развития трагедии из религиозного действия. При этом поэт сознательно делает акцент на тех качествах хора, которые, в действительности, не столь выражены в трагедии Эсхила, но важны с точки зрения Иванова.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, символистская драма, Эсхил, Прометей, древнегреческая трагедия, хор.

Трагедия Вячеслава Ивановича Иванова «Прометей» впервые была опубликована в 1915 г. (под названием «Сыны Прометея»), второй раз – в 1919 г. В этот же период (1912–1917 гг.) поэт работал над переводом трагедий Эсхила, полное издание которых увидело свет только в 1989 г. [1]. Тогда же вышел ряд статей Иванова теоретического характера, посвященных античному театру и трагедии, а также преобразованию современного русского театра на основе античного. Так, например, в 1916 г. вышла его статья «Эстетическая норма театра», в которой автор отмечает центральную роль хора в античной трагедии и высказывает мысль, что уже в древности театр вступил в период кризиса: «кризис хора есть кризис соборного начала в театре и театра вообще. Античная сцена уже не оправилась от этого потрясения и не дала ничего значительного» [2. С. 211]. В заключение он утверждает, что нужно «творить для будущего, хотя бы это творчество было про запас для лучших времен, для тех времен, когда развернет, наконец, театр сохранившуюся в нем через века мощь и исполнит свой религиозный замысел» [2. С. 214].

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые особенности хора в трагедии Иванова «Прометей», а именно то, как прослеживается в ней влияние трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Хотя проблема трансформации древнегреческого мифа и трагедии в драматическом опыте Иванова затрагивается в работах Д. Дж. Муреду [3], Б. Сабо-Трифкович [4], М. Цимборской-Лебоды [5; 6], приходится констатировать, что до сих пор «Прометею» исследователи уделяли недостаточно внимания.

Вяч. Иванов перевел частично или полностью шесть из семи дошедших трагедий Эсхила [7; 8]. Единственная трагедия, которую он переводить, по-видимому, даже не начинал – это «Прикованный Прометей». Объяснить это можно тем фактом, что в середине XIX в. авторство Эсхила было поставлено под сомнение: в частности, издание Г. Германна (1852–1853), которым пользовался поэт при работе над переводом Эсхила, озаглавлено как *Aeschyli Tragoediae cum Incerti Poetae Prometheus* [9. С. 267, 308, 312]. Кстати, «Прометея прикованного» атрибутируют и некоторые современные филологи, как, например, М. Уэст [10].

Когда у Иванова возник замысел собственной трагедии «Прометей» с точностью мы не знаем. Известно, что в 1903 г. Иванов начал работать над драматической трилогией, которая была озаглавлена как «Танталида». Первую и вторую части трилогии должны были составить трагедии «Тантал» и «Ниобея», третьей считается трагедия «Сыны Прометея», но исходя из названия трилогии, первоначальный замысел, скорее всего, был иной [11. С. 185-186]. В 1907 г. Иванов занят работой над «Прометеем», о чем упоминает Л.Д. Зиновьева-Аннибал в письме к М.В. Сабашниковой (от 2 мая 1907 г.): «Вячеслав вступил в стихию трагедии. Подхватил своего “Прометея”, составил весь остов в голове и ведет дальше хоры и своего Ковача» [12. С. 200].

О несомненно более раннем продумывании проблематики мифа о Прометее в связи с Эсхилом свидетельствует стихотворение «Океаниды» («Кормчие звезды», 1903 г.), к которому мы вернемся далее, и стихотворение, озаглавленное «Факелы: дифирамб» («С тех пор, как мощный Прометей...»), которое впервые было опубликовано в 1906 г. Позже Иванов включил его в первую книгу сборника «Сог Арденс» (1911) под заголовком «Огненосцы: дифирамб», но со значительными изменениями: во второй редакции в дифирамб добавлен хор Океанид, которые открывают его тремя шестистишиями и завершают тремя строками, представляющими собой рефрен концовки их первой партии. Эти же три строфы хора Океанид без изменений, не считая знаков пунктуации, Иванов включил в начало «Прометея», однако в трагедии строфы не следуют друг за другом, а перемежаются с монологами Прометея и репликами Эриний. Приведем их полностью:

(Хор Океанид)

Мы выи не клоним
Под иго Атланта,
Но мятежимся нивами змей;
И ропщем, и стонем
В берегах адаманта,
Прометей!

<...>

И под кровом родимых ночей
Колеблем основы
Мирового покоя,
Прометей!

<...>

Непрочны и новы
Олимпийские троны;
Древний Хаос в темнице — святей.
Слышишь черные зовы,
Непокорные стоны,
Прометей?

Отметим, что упоминание адаманта в первой приведенной строфе, вероятно, восходит к Эсхилу. В «Прикованном Прометее» трижды встречаются прилагательные, образованные от ἄδαμας, как эпитеты цепей, сковывающих Прометея, например: ἄδαμαντίνων δεσμῶν (Aeschyl. Prometheus vinctus 6) – «адамантовыми цепями».

В «Прометее» можно выделить несколько хоровых героев. Во-первых, собственно хор Океанид, где они выступают преимущественно вместе. Во-вторых, три Эринии с отдельными краткими репликами. В-третьих, хор Нереид во главе с их отцом Нереем: они поют двумя полухориями и появляются на сцене только однажды. Далее, хоры мужчин и женщин в третьем действии, которые вначале композиционно представлены как чередующиеся, в финале же они сливаются в хор толпы. Наконец, своеобразный хор можно видеть также в 7 сынах Прометея, которые обезличены, хотя имеют личные имена, и выступают, скорее, как солисты хора. Имена их связаны с греческой лексико-семантической группой «огонь»: Пирр – от др.-греч. πυρρός «огненный», Флогий – от φλόγεος «пылающий, огненный», Дадух – от δαδοῦχος «факелоносец», Астрапей – от ἀστραπαῖος «сверкающий как молния», Керавн – от κεραῦνιος «громовой», Аргест – от ἀργής «сверкающий, блестящий», Никтелий – от νυκτέλιος «ночной» (в др.-греч. часто встречается как эпитет Диониса в связи с ночными праздниками, посвященными ему и проводившимися при свете факелов). На сцене они появляются с факелами («пламенниками») в руках. Очевидно, что идея ввести в действие этих персонажей восходит к хору в дифирамбе «Огненосцы».

Хор Океанид появляется в тексте ивановской трагедии, несомненно, под влиянием трагедии Эсхила «Прикованный Прометей», однако если у Эсхила, как вообще в античной трагедии, хор только один, то у Иванова, как мы видим, хоров в трагедии несколько. Отметим, что в своих предыдущих драматических опытах Иванов более строго следует традиционной структуре античной трагедии: так, в «Танталe» присутствует только один хор Ореад, а в «Ниобее» – только хор Мэнад.

Океаниды, согласно греческой мифологии, являются дочерьми титана Океана, а Прометею они приходятся двоюродными сестрами. Как Океаниды, так и Прометей принадлежат к поколению богов, которое древнее Зевса. Этот мотив звучит у Эсхила (νέοι γὰρ οἰακονόμοι κρατοῦσ' Ὀλύμπου· νεοχοῖς δὲ δὴ νόμοις Ζεὺς ἀθέτως κρατύνει, τὰ πρῖν δὲ πελώρια νῦν αἰστοῖ (Aeschyl. Prometheus vinctus 148–151) – «Новые ведь кормчие правят Олимпом, при помощи новых законов Зевс управляет беззаконно, а прежде великие – ныне ничтожны стали». (Здесь и далее перевод мой. – Л.Е.)) и у Иванова («Непрочны и новы Олимпийские троны»). Он важен для понимания действий Прометея. Океанидам в трагедии Эсхила жаль Прометея, но в отличие от ивановских Океанид они безропотно подчиняются власти Зевса из страха перед ним и сомневаются, что Прометею можно как-то помочь, так как против воли Зевса лучше не идти: ἄγαν δ' ἔλευθεροστομεῖς. ἐμὰς δὲ φρένας ἠρέθισε διάτορος φόβος· δέδια δ' ἀμφὶ σαῖς τύχαις (Aeschyl. Prometheus vinctus 180–182) – «(Прометею)...Ты слишком опрометчив на язык; пронизы-

вающий страх встревожил мое сердце: боюсь я за твою судьбу». Другой пример: μηδάμ' ὁ πάντα νέμων θεῖτ' ἐμῶ γνῶμῃ κράτος ἀντίπαλον Ζεῦς, μηδ' ἔλνύσασμι θεοῦς ὀσίαις θοίαις ποτινισσομένα βουφόνοις παρ' Ὠκεανοῦ πατρὸς ἄσβεστον πόρον, μηδ' ἀλίτοιμι λόγοις... (Aeschyl. Prometheus vinctus 527–533) – «Зевс, который всё распределяет, да не вложит в мой ум силу противную, да не перестану я угощать богов священными трапезами из убиваемых быков возле непрерывного течения Океана-отца, да не оскорблю речами...». Океаниды у Иванова выступают в качестве мятежной силы, которая поддерживает Прометея. И если здесь они стонут из непокорности и ненависти к новым богам («Мы выи не клоним Под иго Атланта...»), «Ненавидим оковы Светлозданного строя...», «Слышишь черные зовы, Непокорные стоны...»), то у Эсхила — это, скорее, плач по горькой участи титана Прометея: πρόπασα δ' ἦδη στονόεν λέλακε χώρα, μεγαλοσχήμενά τ' ἀρχαιοπρεπῆ <...> στένουσι τὰν σὰν ξυνομαζόνων τε τιμὰν <...> βοῶν δὲ πόντιος κλύδων ξυμπίτων, στένει βυθός, κελαινὸς [δ'] Ἄϊδος ὑποβρέμει μυχὸς γῆς, παγαί θ' ἀγνωρῦτων ποταμῶν στένουσιν ἄλγος οἰκτρὸν (Aeschyl. Prometheus vinctus 406–410, 431–435) — «Вся земля стенает, ... оплакивают великую и издревле чтимую славу твою и твоих родичей <далее — перечисление народов, которые оплакивают участь Прометея>. Кричат, обрушиваясь, морские волны, стенает бездна, мрачный Аид, гудят недра земли, и воды чистых рек оплакивают страдания, вызывающие жалость».

Выше мы отметили, что в сборник Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1903) вошло стихотворение «Океаниды» («Взывают!.. Дщери Океана...»). В нем «мятежные девы» представлены в том же ключе, что и в ивановской трагедии. В качестве примера, третья, седьмая и одиннадцатая строфы, которые лексически перекликаются с хором Океанид в «Прометее» (курсив в цитате мой. – Л.Е.):

<...>

Не вы, подруги Прометея,
Непримиримые, не вы
Под иго склоните, немея,
Бурно-кудрявые главы!

<...>

Навек темничные оковы
Сковал вам раболепный брег;
Бежит, заслыша ваши зовы,
В укромный дол свой Человек.

<...>

Серебропенные Мэнады!
О, Хаос! страшен ваш завет:
Нет воле вне себя преграды...
Вам нет победы, нет отрады,
И нет надежд, – и мира нет!

Такая трансформация роли Океанид вполне соответствует ивановской концепции античной трагедии. Например, в статье «О существе трагедии» (1912) Иванов пишет: «Трагедия – мэнада, и действующее лицо ее в древнейшем действе единственно – мэнада. Действие происходит между богом и вдохновенною им женщиной, представленною хором». Обратим здесь внимание на сравнение Океанид с «серебропенными Мэнадами» в стихотворении, о котором речь шла выше. Согласно Иванову, поскольку трагедия – «простое видоизменение дионисийского богослужебного обряда» [2. С. 191], а Дионису соответствует диада (то есть женское начало), то этим и объясняется появление женского хора мятежных Океанид, принадлежащих к стихии Хаоса, Земли и Ночи: «как Прометея-узника окружает хор Океанид, так освобожденного обступал смешанный хор Титанов и их жен» [2. С. 197].

Таким образом, при сопоставлении хора Океанид в драме Иванова и в трагедии Эсхила мы видим, что содержание реплик хора в «Прометее» Иванова перекликается с текстом Эсхила: Иванов вводит хор Океанид в свою трагедию явно под влиянием Эсхила, тем более, что женский хор, олицетворяющий здесь диаду, прекрасно иллюстрирует ивановскую теорию развития трагедии из религиозного действия, где, по его мнению, велика была роль женщин-почитательниц культа Диониса. При этом поэт сознательно делает акцент на тех качествах хора, которые должны быть присущи женскому, дионисийскому началу в противоположность мужскому, и которые, в действительности, не столь выражены в трагедии Эсхила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эсхил. Трагедии / в пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н.И. Балашов, Дим.Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; ответственный ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989. (Литературные памятники).
2. Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 тт. Т. 2. Брюссель, 1974.
3. Gelli Mureddu D. The tragedy «Prometheus» by Vjaceslav Ivanov // Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav Ivanov Symposiums, Heidelberg, 4–10 September 1989 / Hg. W. Potthoff. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 127–162.
4. Сабо-Трифкович Б. Трагедия «Прометей» Вячеслава Иванова. Белград: Издательство филологического факультета в Белграде, 2010.
5. Symborska-Leboda M. Прометей и Пандора, или мифопоэтическая антропология Вячеслава Иванова (на материале трагедии «Прометей») // Mistrzowi i Przyjacielowi. Pamięki Profesora Zbigniewa Baracskiego / Red. Paszkiewicz A., Tyszkowska-Kasprzak E., Zybur W. Wrocław: GAJT Wydawnictwo 1991 s.c., 2010. С. 149-168.
6. Symborska-Leboda M. «La tradition du feu»: le mythe de Prométhée et sa métamorphose dans la tragédie de Viatcheslav Ivanov Prometeï (Prométhée) // Représentations et symboliques du feu dans les Théâtres européens (XVIe-XXe siècle). Actes du Colloque de Montalbano-Elicon (18–22 septembre 2009). Paris: Honoré Champion Éditeur, 2013. P. 137-149.
7. Котрелев Н.В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила / Эсхил. Трагедии. С. 497–522.
8. Котрелев Н.В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых: (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М., 1990. С.127–150.
9. Обатнин Г.В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // VIII convegno internazionale Vjačeslav Ivanov: Poesia e sacra scrittura = VIII Международная конференция: Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией. Salerno; Roma, 2002. Vol. II. P. 261-343. (Europa Orientalis. XXI). С. 261-343.
10. Aeschylus Tragoediae cum Incerti Poetae Prometheus / ed. by West Martin L., K. G. Saur Verlag, Gmbh & Co, 2007.
11. Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Ниобея» / Публ. Ю.К. Герасимова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С.178–203.
12. Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники. М., 2009.

Поступила в редакцию 31.03.15

L.L. Ermakova

THE CHORUS OF OCEANIDES IN THE TRAGEDY “PROMETHEUS” BY VYACHESLAV IVANOV

The author of the article examines an influence of the Aeschylus tragedy “Prometheus vincetus” on the tragedy “Prometheus” written by Vyacheslav Ivanov and takes as an example the chorus of Oceanides, whose remarks have much in common in both texts. It is quite apparent that Ivanov introduced this chorus into his tragedy after having read Aeschylus drama. Furthermore, the chorus of woman illustrates perfectly Ivanov’s theory about religious roots of Greek tragedy, and the poet emphasizes such features of the chorus which are not prominent in the Aeschylus tragedy, but are important from Ivanov’s point of view.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, symbolistic drama, Aeschylus, Prometheus, Greek tragedy, chorus.

Ермакова Лия Леонидовна, аспирант
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
E-mail: erliia567@gmail.com

Ermakova L.L., postgraduate student
Institute of Russian Literature (the Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
199034, Russia, Saint Petersburg, nab. Makarova, 4
E-mail: erliia567@gmail.com